

(Из рассказов у костра)

Охотники, они тоже разной масти бывают. Иной купит себе что ни на есть дорогое ружье, кожей всякой обвесится... Все на нем скрипит да блещит — вот и охотник. Идет он в тайгу или на поле так, будто в «Гастроном», думает, все ему готово: стреляй да в сумку. Ну, этот скоро от охоты отходит совсем. Подберет себе таких же товарищей, и стреляют они больше по бутылкам. Угодья только захламляют стеклом да консервными банками.

Разные они, охотники. Я уж про халуг-браконьеров не говорю: как их охотниками называть? Шибко много чести.

Вот вы тут разговоры всякие ведете, кого называть настоящим охотником? Я так думаю, охотник, он, еще в руки ружья не взявши, уже охотник.

Вот мы давеча в поселке отдыхали. Около нас ребятишки крутились. Оно понятнo: мальчишки — народ ушлый. Им все интересно. Но заметил я одного паренька. Так тот такими глазами на нас смотрел, как будто и люди-то мы совсем не как все, а все одно, что боги какие. И слушал-то он твой рассказ, Виктор Петрович, раскрывши

рот, аж жалко парня стало. Вот этот уже, будьте уверены, непременно охотником будет.

В прошлое воскресенье я в лесу был, в Каменный лог подался. Сами знаете, осень нынче для нашего брата как по заказу. Ходишь по тайге — не надышишься, не налюбуйешься. Да что вам говорить, сами знаете не хуже меня!

Сел я под елью. Закусил и отдыхаю, тишину лесную слушаю. Слышу, кто-то идет, тихо так. Смотрю, выходит Гришка с нашей уллицы. Он от меня через дорогу живет, слесарем в котельной работает. Парень хороший, баловства за ним не замечалось. Купил он весной ружье, в общество вступил. Я к нему часто хожу журналы про охоту да рыбалку посмотреть. Хотел окликнуть его, да раздумал. Дай, думаю, погляжу, как человек один на один в тайге себя показывает.

Примостился Гришунька возле кустиков, сидел немало, вынул свисток из кармана и залился под рябчика. Подманивает, я вам скажу, ловко. Не так много времени прошло, слышу, зафыркал рябчик крыльями. Гришка

манит его, дескать, лети поближе, не вижу тебя. И правда, слетел к нему петушок и сел совсем недалеко на согнутую черемуху. Ну, думаю, конец твоей рябичьей жизни пришел. Стрелок-то Гришка отменный: в армии его за стрельбу отличали, а там не так-то легко отличиться...

Смотрю дальше, а в толк не возьму: ружье у Григория как лежало на коленях, так и лежит, а он сам смотрит на рябчика, словно заколдовала его нечистая сила. Рябчик разгуливает по черемухе и заливается вовсю: «Куда, мол, запропал? Сам меня звал, а где же ты?» Гришка мой берет свисток и опять порябичьи: «Иди ближе!» Рассердился я на него: зачем подманиваешь? Разве можно ближе дичь бить: разобьешь влух безо всякой пользы! Хотел крикнуть ему, чтобы не баловался. Тут рябчик-дурак сорвался с места и прямо на Гришку, вот-вот на голову сядет. А Григорий как захочет! Ну, рябчика я только и видел: один хвост мелькнул.

А Гришка смотрит ему вслед, смеется, и вид у него такой довольный, как будто он приятеля хорошего встретил и проводил.

«Чего, — говорю, — шутки в

тайге устраиваешь? Почему дичь упустил и что это все значит, Григорий?».

Увидел он меня: «А-а, это ты, дядя Андрей. Понимаешь, чудной какой петушок. Как он по дереву расхаживал да высматривал! Ты видел, да?»

«Видел, — говорю, — от начала и до конца. Почему же ты, голова садовая, не стрелял в него?».

«А зачем, — отвечает, — в него стрелять? Я вот утром двух взял, ну и хватит, а этот — забавный, пусть живет».

Помолчал немного и говорит: «Фотоаппарат куплю с полочки, буду птиц и зверюшек разных фотографировать. Живые-то они намного интереснее, чем битые...».

Вот ты какой, думаю, человек... Значит, не только за рябчиком мясом по тайге разгуливаешь. Хороший из тебя хозяин тайги будет...

Вот так-то, други...